

[Форум](#) | [Знакомство](#) | Архив: [N1](#) | [N2](#) | [N3](#) | [N4](#) | [N5](#) | [N6](#) | [N7](#) | [N8](#) | [N9](#) | [English](#) [New!]
[Ссылки](#) | [Альманах библиофила](#) | [Литфонд](#) | [Подписка](#) | [Вопросы и ответы](#) | [Книги](#)
[Нам пишут](#) | [Методический центр](#) | [Новости и объявления](#) | [Паломническая служба](#)

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ:

“Я НЕ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК, НО ВСЕ, ЧТО Я ГОВОРЮ О БОГЕ — ПРАВДА...”

Начинаем публикацию статей 10-го номера журнала “Фома”. Читайте ответы митрополита Сурожского Антония на вопросы нашего корреспондента.

- В наш журнал пишут разные люди, как правило, искренне ищущие Истину. Часто нам задают один и тот же вопрос, сформулировать который можно так: Зачем ходить в храм, выполнять какие-то правила, придуманные священниками? Ведь человек уже встретил Господа, зачем же эту светлую встречу омрачать какими-то условностями: заучиванием молитв, чтением всевозможной церковной литературы? Ведь самое главное в жизни человека уже произошло: он уверовал!

- Самое основное — это встреча с Богом и то, что человек встретил Бога, выбрал Его своим Богом, посвятил Ему свою душу и жизнь. И если бы человек жил в отрыве от всего христианского общества, то он мог бы на этом остановиться. Например, в древности люди узнавали о существовании христианской Церкви, принимали крещение и порой больше никогда не имели общения с Церковью, потому что жили в других частях римского государства или в местности, где не было христианских общин и священников. Поэтому, конечно, главный вопрос в том, чтобы сохранить в себе этот живой опыт, опыт встречи с Богом.

Наше богослужение, церковные правила развивались очень постепенно, и развивались они в помощь, а не в ограничение молитвенной свободы или лирической открытости Богу. Иногда у нас нет слов. Рвется душа к Богу и хочет Ему что-то сказать, но слов нет. А если посмотреть в молитвенник, то можно найти слова, которые написали святые. Потому что они тоже оказались в таком же положении, им хотелось что-то сказать от себя Господу. И они это выразили в той или иной молитве.

Но тут надо учитывать то, что, во-первых, совершенно немислимо идентифицироваться, слиться с десятком молитв вечернего или утреннего правила, как будто они просто твои. Ведь каждая из них написана каким-то одним святым, и он вложил туда свой опыт о Боге, о своей собственной судьбе, о том, как он видит жизнь и мир. И когда мы их читаем, мы не можем просто сказать: “Я всецело заодно с этим святым”. Но я могу быть честным и сказать: “Я ещё неопытный, я не знаю точно, как выражать самое глубинное, что во мне есть по отношению к Богу. И вот я возьму ту или иную молитву, именно те молитвы, которые уже доходят до моей души, и буду читать. Причем буду говорить вместе со святым — от себя. Что-то я могу сказать честно его словами, но от себя. Чего-то я сказать не могу, я ничего об этом не знаю. Приведу пару примеров.

Помню, когда я был подростком, то “насмёрть” поссорился с товарищем. Я пришел к моему духовнику, отцу Афанасию и говорю: “Батюшка, что делать?”

Когда я читаю молитву “Отче наш” и дохожу до слов “и оставь нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим”, я не знаю, как это сказать — потому что не прощаю, не могу простить и никогда не прощу”. Отец Афанасий сказал: “А в чем проблема? Когда дойдешь до этих слов, скажи: “Господи, не прости мне моих грехов, так же как я не прощаю Кириллу, моему другу”. Но я не мог так сказать, я хотел быть прощенным. А батюшка сказал: “Хочешь, но не можешь. Иди домой...”. Через некоторое время я вернулся и услышал слова духовника: “Ну, если не можешь, тогда “перепрыгни” через эти слова”. Я попробовал, но не смог, потому что хотел быть прощенным. Опять вернулся. И услышал: “А ты хотел бы быть в состоянии ему простить — чтобы хоть это доброе намерение Бог принял от тебя?” — “Конечно, хотел бы!” — “Когда дойдешь до этого места скажи: “Господи, в меру того, как мне хочется простить его, Ты и меня прости!”. И так батюшка меня через эту молитву “протянул” до момента, когда я сообразил: я поссорился из-за пустяка — и ради этого себя лишаю Божьего прощения?...

Другой пример того, как мы можем пророй положиться на слова молитвы и на молитву святого, когда у нас нет ни веры достаточной, ни уверенности. У меня был такой позорный случай. Когда я жил с бабушкой и мамой, у нас в квартире завелись мыши. Они полками бегали, и мы не знали, как от них отделаться. Мышеловки мы не хотели ставить, потому что нам было жалко мышей. Я вспомнил, что в требнике есть увещание одного из святых диким зверям. Там начинается со львов, тигров и заканчивается клопами. И я решил попробовать. Сел на койку перед камином, надел епитрахиль, взял книгу и сказал этому святому: “Я ничуть не верю, что из этого что-то получится, но раз ты это написал, ты, значит, верил. Я твои слова скажу, может быть, мышь поверит, а ты молись о том, чтобы это получилось”. Я сел. Вышла мышь. Я её перекрестил: “Сиди и слушай!”— и прочел молитву. Когда я кончил, перекрестил её снова: “Теперь иди и скажи другим”. И после этого ни одной мыши у нас не было!

Вот вам два примера, оба позорные в том, что касается меня. Но это говорит о том, что мы не можем просто взять молитву святого и прочесть ее, как будто она наша, и думать, что мы на уровне святого или “отделались”. Вопрос в том, что читать те или иные молитвы не так просто. Надо эти молитвы продумывать, “процеживать”. Надо выбирать те молитвы, которые тебе подходят.

Есть в одном письме святителя Феофана Затворника слова, где он говорит, что когда ты читаешь псалом, и на второй строчке все твое внимание уйдет в слова и они тебе в душу ударят, останься с этими словами. И вот этому надо учить людей...

То же самое относится к хождению в церковь. Там люди могут встретить Бога каким-то особенным образом. Но если им надо встретить Его под контролем правил, они, может быть, и не придут второй раз. В Париже у нас была дама, заведующая домом престарелых. Она была искренне верующей, приняла православие по убеждению. Она была французской графиней, очень элегантной, культурной женщиной. Когда она первый раз поехала в Россию, то пошла в храм в своем лучшем платье, в лучшей шляпке, с накрашенными губами. А старушка в храме повернулась, посмотрела на неё и сказала: “Миленькая, да в храм нельзя входить разряженной, как проститутка. Дай-ка я тебя поправлю!” Она плюнула в платок и вытерла ей лицо...

Так часто случается, когда человек приходит ещё незрелый. Ему все указывают: того не делай, этого не делай. А надо дать человеку войти и на своем уровне погрузиться в то, что происходит в церкви. Знаете, богослужение, молитва похожи в каком-то смысле на то, как мы можем пойти на концерт и слушать произведения великого композитора. Всего мы не можем воспринять, но что-то до нас доходит. И по мере того, как мы снова это слышим, мы созреваем и все глубже и глубже уходим в этот музыкальный, психологический, а затем духовный мир данного композитора. То же самое нам надо делать с людьми, которые приходят в церковь. То есть не требовать от них невозможного.

- Владыка, в Церкви, по идее, люди должны быть если не святыми, то хотя бы стремящимися к Свету, к Господу. Почему же даже в этом святом месте мы часто встречаем недостойных людей?

- Вопрос справедливый. Я думаю, что дело священников и сознательных мирян — воспитывать других людей в правде, в чистоте. Это просто несчастье, что на самом деле в Церкви порой происходит то, о чем вы говорите. Но все таки это Церковь, откуда — вот что меня поражает — Христос не уходит! Потому что Он пришел грешников спасти, и Он пришел с ними быть и хоть Своим присутствием что-нибудь в них изменить. И если мы верны Христу, то можем забыть, что за человек стоит рядом.

Думаю, что мы всегда можем найти в другом человеке много нехорошего. Однако если я знаю, что пришел в Дом Божий, что здесь живет Христос, что Он до сих пор распят ради тех людей, которые недостойны Его воплощения, Его учения, Его смерти и Воскресения, то закономерен вопрос: “А я-то каков? Неужели я могу осудить этого человека, которому никто никогда не помог стать другим? Что я могу сделать для этого человека?” Не просто сказать что-то красивое, а что-то сделать для него, на себя посмотреть и начать себя уважать.

Мне кажется, что первое, чему мы должны научиться — это уважать себя самих и, конечно, другого.

- Одна знакомая жаловалась мне, что ее сын стал... ходить в православный храм! Он был художником, но бросил искусство, к науке стал относиться с подозрением, свое прошлое увлечение стал называть исчадием ада. С тревогой она спрашивала меня, не является ли Православная Церковь такой же сектой, как некоторые другие религиозные организации? Ведь именно в секте человек становится косным, не способным воспринимать все многообразие мира. Может быть, говорила она, Православная Церковь — символ косности, не успевающей за современностью?

- Быть христианином это значит быть таким человеком, который может в любую ситуацию, в любые занятия внести свет Божий. Конечно есть развратная музыка — и есть возвышенная музыка, есть искусство того или иного рода; но не искусство виновато, а виноват данный человек, который ищет и старается выразить что-то, что в нем есть, и оно у него выходит уродливо. Так же, как человек, у которого нет слуха, но который хочет петь — у него все, что он ни запоет, звучит ужасно.

И нет такой сферы в культуре, которая не может быть освященной. Если мы возьмем историю Церкви, то, например, святой Иоанн Дамаскин писал стихи и музыку. Многие иконы были написаны святыми. А научные исследования — это попытка как можно глубже познать мир, каким Бог его сотворил, и то, что с ним произошло из-за человеческого отпадения от Бога. После средней школы я учился в Сорбонне, изучал физику, химию и биологию, а затем учился на медицинском факультете, где я получил откровение о Боге. Я одновременно начал открывать и тайны мироздания, и то, что писали святые отцы и духовные авторы. И это слилось у меня в одно. Это не значит, что так обязательно случится, но это не вина науки, литературы или музыки. Я думаю, что мы должны быть готовы встретить всё, что есть на свете в области знания, культуры и т.д., взглядеться, что в этом есть такое, что говорит истину о Боге и о человеке. И помочь другому разобраться в этом.

- Владыка, в августе этого года должна состояться (1) канонизация новомучеников и исповедников, пострадавших в годы советской власти. Среди них в лике святых предполагается прославить последнего Российского Императора Николая II и всю царскую семью. Сейчас в нашей стране существует множество мнений по этому поводу, ибо личность царя вызывает много вопросов. Каково Ваше отношение к канонизации и Императору Николаю?

- Я думаю, что канонизация царской семьи законная вещь и справедливая. Потому что происходит не канонизация монархии как таковой, а канонизация человека или группы людей.

Это не попытка занять позицию “монархисты против немонархистов”. Это признание того, что из себя представлял Государь император как человек и как он рассматривал свое место в России. Как человек, мы знаем, он был

нравственным, чистым, с открытой душой. Его отношение к своему служению было классическим: монарх перед Богом представляет всю свою Родину и всех своих подданных. Поэтому, когда пришло время распятия России в ужасах гражданской войны, революции и последующих десятилетий, он считал невозможным от этого уйти. Ему предлагали бежать из России в Англию, но он отказался, потому что считал, что представляет Россию перед Богом и народом, и что если его страну распинают, то и он должен принять распятие. Это, как мне кажется очень точно выражено в стихах, которые записала одна из дочерей государя, великая княжна Ольга:

...И у преддверия могилы

Вдохни в уста твоих рабов

Сверхчеловеческие силы

Молиться кротко за врагов.

Они именно отдавали свою жизнь в единстве с русским народом и с Родиной. Именно это важно для канонизации: личная нравственность, личное осознание ответственной солидарности с судьбой России, с русским народом...

- Сейчас распространено мнение что необязательно регистрировать брак. Если люди верны друг другу и любят друга — почему они должны дожидаться какого-то обряда и до этого срока откладывать близость?

- Знаете, за столетия у нас сложилось сложное отношение к любви человеческой, к телесному и душевному общению и к браку как таковому. Один из отцов Церкви писал, что мир не мог бы существовать без таинств, и во всем языческом мире осталось одно таинство после падения человека — это брак. Потому что это то действие, через которое Бог соединяет двух воедино и присутствует в этом единстве.

Но это значит, что эти двое должны действительно друг друга любить, они должны стать действительно едиными. В христианском опыте брак — *это икона взаимного отношения Христа и Церкви!*

В сущности, разница между сожительством по любви в полной чистоте и браком церковным в настоящем смысле слова именно в том, что в светский брак еще не есть икона Христа и Церкви. И вот если говорить в этом смысле о браке церковном по отношению к гражданскому или просто взаимной любви, соединяющей двух, тут есть ещё один момент: самое главное здесь то, что в церковном браке Христос вступает в семью и раскрывает новые горизонты взаимоотношений между людьми.

- Многие люди, приходя в храм, замечают там очень много обыденных отношений, бытовых сцен — а ведь именно от этого большинство из них бежали и пришли в Церковь! Они ждут чистых, сейчас принято говорить — “неформальных” — отношений между людьми...

- Знаете, в древности, в самом начале, люди соединялись с Церковью, зная, что это смертельно опасно. Первое поколение христиан было чистым, потому что принадлежать Церкви значило быть готовым на мученичество. Потом Церковь была признана государством, и положение изменилось.

Теперь принадлежать к Церкви ничего подобного не значит. И потому в этом смысле Церковь стала в значительной мере светским обществом, которое верит в Бога, во Христа. Но в этой Церкви есть главные моменты, которые спасительны. В этой Церкви есть люди, которые действительно всю жизнь отдали Христу, для которых встреча со Христом было переменной всего. И они незаметно в этой среде находятся.

Кроме того, Церковь — это место, где мы можем встретить Бога, так, как мы не можем встретить Его на улице. Хотя и бывает, что мы Его встречаем

совершенно в неожиданных обстоятельствах. Это больше относится к войне, чем к мирному состоянию. Мне довелось видеть, как люди просыпаются от греховной жизни на войне. Или, например, в период, когда у нас в эмиграции была неопишная беднота и голод, но маленькая группа людей создавала маленький храм в каком-нибудь подвальном помещении, и этот храм был местом убежища для Христа Спасителя... В мире, который Его отверг, люди голодные, холодные, бедные создавали место, которое Ему полностью принадлежит.

Но когда тихо и мирно — оказывается, что это делать гораздо трудней. Ведь мы говорим о Церкви как о Доме Божьем. Это место, где Бог живет. Это место, куда мы приходим к Нему и понимаем, что Он тут есть. И порой люди это чувствуют. Я помню одного человека, который как-то зашел в наш храм. Он должен был передать посылку нашей прихожанке, хотя сам был безбожником. Он хотел прийти к концу службы, но когда зашел в храм, ему “не повезло” — служба ещё не отошла. Он сел в глубине церкви. После, когда все уже ушли, он продолжал сидеть. Я подошел к нему и попросил выйти, так как нужно было закрывать храм. А он говорит: “Я хочу знать, в чем тут дело? Я неверующий, но у меня чувство, что что-то здесь происходит. От чего такое ощущение? От мерцания свечей, от заунывного вашего пения или это коллективная истерика? В чем дело?” Я ответил, что, с моей точки зрения, это Божье присутствие, но если Бога нет, то у меня нет ответа для него. Этот человек захотел прийти в храм ещё, но только тогда, когда не будет людей. Он опасался какого-либо “гипнотического влияния”, как он сказал. Приходил три-четыре раза и все время чувствовал чье-то присутствие. “Знаете, я заметил ещё, что люди приходят в церковь с одним выражением лица, а уходят с другим, с каким-то просветленным. А когда они идут по ступенькам и что-то получают от вас, то у них глаза другие. Значит что-то происходит. Если ваш Бог пассивный, Он мне не нужен, но если активный — это дело другое. Давайте встречаться и говорить о Нем”... Через год он крестился.

Этот храм и люди в нем, конечно, не святые; но самые обыкновенные люди, коллективно стоящие в присутствии Христа — вдруг делают носителями чего-то. И если ты обращаешь внимание не на людей, а на то, что создается соборностью, тогда ты можешь уловить что-то, несмотря на греховность людей.

Знаете, я священник уже 50 лет с лишним, и я нехороший человек, но то, что я говорю о Боге, — правда. И если то, что я говорю — правдиво, то, несмотря на мою греховность, это может до человека дойти. Есть такое японское присловье: “Если ты стреляешь из лука в цель, твоя стрела не пробьет центра мишени, если одновременно не пробьет твоего сердца”.

Беседовал Павел СЕЛЕЗНЕВ

Примечания

1) Интервью проходило в конце июля, в Лондоне.

Название статьи (обязательно)

Выразите свое мнение по поводу статьи

Отправить

Очистить

